

18+

Марк Аксенов
До и после

Стихи и песни

Марк Борисович Аксенов

До и после. Стихи и песни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66171786

ISBN 9785005521477

Аннотация

«До и после» – шестой сборник стихов и песен Марка Аксенова, московского поэта, прозаика, автора-исполнителя песен. Современному читателю вряд ли надо объяснять смысл названия книги, составленной из произведений, написанных до пандемии Covid-19 и во время неё. А что нас ждёт после – большая загадка. Наука в глубоком раздумье по этому поводу, как на картине итальянца Джорджо де Кирико. Может быть, поэты знают больше?

Содержание

ПРЕДЧУВСТВИЕ	8
День восьмой	9
«Облака опять скрестили...»	10
ЭХО ДАЛЬНЕГО НАБАТА	11
«Я стихи о войне никогда не писал...»	11
Брестская крепость	12
Неизвестные солдаты	13
Мой дед был ранен подо Ржевом	14
Люди и нелюди	15
1. Баллада о Троицком храме в Ершове	16
2. Баллада о равнине местечка Раков	18
3. У господ на виду	20
Принцесса «Незнаю»	21
Разная память	23
Вальс Победы	24
ПРОСТО ЛИРИКА	25
«Брожу дворами, и шаги мои легки...»	25
«В зимнем парке скрипят под ногами тропинки...»	27
Россия – Спас на крови	28
«До чего же людская любовь многолика!...»	29
Друзьям	30
Женщинам России	31

Иллюзион	32
«История нашей любви...»	34
К смыслу жизни	35
«Как ветер внезапный на снасти...»	36
«Как легка твоя вина, как легка!..»	37
«Как я люблю эти сумерки тихие, серые...»	38
Кларнет	40
«Когда я гляжу на себя в зеркале...»	41
Конспиративный романс	42
Концерт авторской песни в школе	44
Мама	45
«Надел костюм и в зеркало взглянул...»	47
«Нет, время, шалишь! Я не так уж наивен...»	49
Ницца	51
Певица	53
Тройное гражданство	54
Ничего	56
Ночная прогулка	57
«Открывая свой фотоальбом...»	59
Пожелание	60
Почтальон	61
Поэма Невского района	62
Правда и ложь	65
Речной круиз	66
Сомнение	68
Сон	69

Счастье	71
Тайна имени	72
Фейсбук	74
Я расскажу тебе Россию	75
«Храни нас, Боже от друзей...»	76
«Чем быстрее, года обгоняя...»	77
Этажи, где я бывал	78
«Я когда-то сдавал норматив ГТО...»	79
МОЯ МОСКВА	81
Выход из метро	81
«Весенний день. Я вышел на Арбат...»	82
Галактика ВСХВ	83
«Ведь не даром же ты, Россия...»	85
Грачѐвка	86
Встреча в Грачѐвке	87
Летняя картинка с фонарѐм №136	89
Снежные мысли	91
Моссельмаш	93
Михалково	94
ЗЛОБА ДНЯ	96
На злобу дня	96
Половина двенадцатого	98
«Повторяется, повторяется...»	99
«Блаженны ушедшие до революции ...»	101
«Горжусь нашим прошлым» – я слышу нередко...»	102

«Всё моё!» – сказала злато...»

Конец ознакомительного фрагмента.

До и после
Стихи и песни
Марк Борисович Аксенов

© Марк Борисович Аксенов, 2021

ISBN 978-5-0055-2147-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Летом 2019 года ещё никто ничего не слышал про Covid-19. Первая его вспышка произошла в Китае в декабре. Однако, какое-то странное предчувствие, висевшее в воздухе, заставило меня написать два этих стихотворения. Пишу я обычно в Быстром блокноте (Fast Notepad) своего смартфона, где все записи автоматически датированы.

День восьмой

*С пришествием Христа и Его праведным
Судом начнётся новый день – восьмой и
ему же не будет конца.*

День седьмой затянулся, кончается время.
Этот странный театр не пора ли закрыть?
Бестолковых актеров беспокойное племя
Не пора ль по домам распустить?

Видно, впрок не идут ни слова, ни знамения,
Ни чума, ни проказа, ни ярость морей.
Вновь и вновь повторяются их представления
С тем же самым сюжетом и списком ролей.

Не доволен партер, негодует галёрка.
Раз из этого круга не выйти никак,
Значит, надо кончать, и ложится восьмёрка,
Превращаясь из номера в вечности знак.

9 августа 2019

«Облака опять скрестили...»

Облака опять скрестили
То ли перья, то ли шпаги
И в безудержной отваге
Раскроили небосвод!
Это значит, несомненно,
Скоро грянут перемены —
Не в судьбе, так во вселенной
Что-нибудь произойдёт.
30 июля 2019 г.

ЭХО ДАЛЬНЕГО НАБАТА

«Я стихи о войне никогда не писал...»

Я стихи о войне никогда не писал.
Пусть о ней что-то пишут другие —
Тот, кто знает её, кто сам воевал,
Кто в атаки ходил штыковые
Не писал я ни разу стихов о Войне,
Но рассказы седых ветеранов
Я записывал, слушая их в тишине,
Словно перебинтовывал раны.

Брестская крепость

Теми, кто пал под смертельным огнём
За Родины пядь, за глоток водицы,
Покуда мы дышим, покуда живём,
Не перестанем гордиться!

Но отчего этот в горле комок?
Чужая вина, как фантом и нелепость.
За то, что на помощь прийти не смог,
Прости меня, Брестская крепость!

Мы позже родились, мы не при делах,
Но разве возможно забыть такое?!
Сначала за плен, а потом за ГУЛАГ
Простите нас, Бреста герои!

И есть среди этой общей вины
Моё персональное место.
За сдачу без боя великой страны
Прости меня, крепость Бреста!

Неизвестные солдаты

«Мы даже в атаку пойти не успели
В тот первый для нас и последний бой.
Нас просто накрыло при артобстреле
Вражьем огнём и родною землёй.
О нас не скажут погибли героически.
Что за геройство вот так умирать?
Поэты о нас не напишут ни строчки
Мальчишки не станут нам подражать.»

Нет, это не правда! Ведь вы же были!
Жили, трудились, влюблялись, росли,
Не побоялись, «не откосили»,
Все, как один по повестке пришли.
Не правда, что в бой не успели пойти вы!
Вы, как сумели, приняли бой!
А смерть за Отчизну всегда красива,
И, значит, каждый из вас герой!

Мой дед был ранен подо Ржевом

Как часто мы напрасно плачем,
Терзаемся по пустякам —
Порой под маской неудачи
Спасение приходит к нам.

Встречай судьбу без слёз и гнева!
Будь в испытаньях терпелив!
Мой дед был ранен подо Ржевом
И потому остался жив.

Но долю лёгкую, поверьте,
Он не искал и не просил.
Он под огнём в «долинах смерти»
Своё бессмертье заслужил.

Люди и нелюди

1. Баллада о Троицком храме в Ершове

Сколько людей, столько к Богу дорог.
И к Сатане своя дорога.
Бывает порой, кто кричит – С нами Бог! —
Дальше других от Бога.

Церковь в Ершове стоит на холме —
Троица Живоначальная.
Всем, кто погиб на минувшей войне,
Словно свеча поминальная.

Как безутешная старая мать,
С горем не в силах смириться,
Смотрит с холма, чтобы первой принять
Всех, кто с войны возвратится.

Лютый декабрь, сорок первый год.
В спешке фашисты бегут из Ершова.
В церкви на горке собран народ,
Заперт снаружи на ключ и засовы.

Немец сапёр постарался, как смог
В храме, где нужно, заложены мины,
Надпись на пряжке ремня «С нами Бог»,

И рядом – ключ подрывной машины.

А в церкви закрытой – «...иже еси» —
Кто-то молится, кто-то рыдает —
«Господи правый, приди и спаси!
За что нам кара такая?»

.....

Вновь возрождённая церковь стоит,
Там, где лежали руины.
Но кто восстановит, кто возродит
Матери сына?

Сколько людей, столько к Богу дорог.
Храм на холме, как свеча поминальная
Тем, кто с войны возвратиться не смог,
Троица Живоначальная.

2. Баллада о равнине местечка Раков

Постойте, реббе, зачем вам туда?!
Спрячьтесь лучше вон там возле речки!
А реббе в ответ – Нет, пастух всегда
Там, где его овечки...

Говорят, что у Бога мертвых нет.
Можно лишь позавидовать Богу.
Юноша, девочка, бабушка, дед,
Взрослые, дети разных лет
Согнаны в синагогу.

Немцы в сторонке гурьбою стоят
Курят, гогочут и удивляются,
Как наши соседи нас костерят,
Палками лупят старух и девчат,
Друг перед другом стараются.

А над костелом «свенты кшиш» *-
Уже не «святой крест», не распятие.
А, будто бы, дьявол над спинами крыш
Тычет свой кукиш, костлявый шиш
В лики небесной братии.

«Шиш вам и вашей любви ко врагу,
И даже к тому, кто вам ближе!

Дайте факелы – я подожгу,
Верьте мне, я не останусь в долгу!»
И вот уже пламя стены лижет.

«– Что, все уже там? – Все, как один!
Воют, орут, как дикие звери?!
– Ах, нет, вон, смотрите, плетётся раввин.
Откройте, панове, раввину двери!»

Зимним раздутое ветерком
Долго ли коротко пламя пылало...
Стало местечко городком
После того, как нас не стало.

«Нас», говорю я, Божий сын,
Разве не все мы у Господа – дети?
Жаль, что не спасся хотя бы один,
Старый, седой, неразумный раввин.
Впрочем, к чему сожаления эти?

Его умоляли: не надо ходить,
Спрячьтесь в зарослях возле речки!
За полночь сможем надёжно укрыть.
А он всё твердил – Нет, пастух должен быть,
Там, где его овечки...

Swety krzisz – святой крест (польск.)

3. У господ на виду

Ни враньём, ни заплатами
Прошлое не залатать.
От Хатыни до Катыни
Лишь рукою подать.

От Дахау до Трешлипки
Ни чужих, ни своих.
Только люди и нелюди.
Никого кроме них.

Что на улицах Ракова,
Что в Вольнском аду —
Все дела одинаково
У Господа на виду.

Принцесса «Незнаю»

(песня)

*Светлой памяти героини французского
сопротивления русской княгини Веры
Оболенской, казненной в
Берлине в 1944 году.*

Свежих цитрусов запах,
Ёлки в каждой витрине,
Монпарнас и Мадлен
По бокалам вино разливают,
А в парижском гестапо
Молодая княгиня
На любые вопросы
Отвечала упрямо – Не знаю!

Кофе с булочкой венское...
Что за игры в тюрьме?
Звери в чёрных мундирах
За предательство жизнь обещали —
Ах, мадам Оболенская!
Вы в своем ли уме?
Вы же сами когда-то
из Красной России бежали.

Беззаботные тени
сСкользят по гардине,
Пляс Пигаль суетится,
незванных гостей убажая...
А в суровых застенках
молодую княгиню
Называют гестаповцы
русской «Принцессой Незнаю».

Это дело не женское.
И не ваше совсем —
Только как удержать
По весне перелётную птаху?
Ах, мадам Оболенская!
Вам-то это зачем —
За Россию, прогнавшую вас,
отправляться на плаху?

Ах, мадам Оболенская!
Вам-то это зачем —
За Россию, которой уж нет,
Подниматься на плаху?

Разная память

Никто не забыт и ничто не забыто!
Но каждый из прошлого помнит свое.
У нас двадцать семь миллионов убитых,
А где-то народ беззаботный и сытый
Сквозь сон наблюдает, как зверь недобитый
Готовит к войне молодое зверье.

Вальс Победы

Далёкий май над праздничной Москвой,
Весенний дождь, пролившийся нежданно,
И парочка счастливых ветеранов
Танцует вальс на мокрой мостовой.

Всё так же, словно тридцать лет назад,
Она вот-вот букет свой растеряет.
Вот падает гвоздика на асфальт,
А он её так ловко поднимает.

В его руке лежит её рука...
И, если мне бывает одиноко,
Картинку из далёкого далёко
Приносит снова памяти река —
Москва, весна, – два стройных старика —
Он и она – без возраста и срока
Танцуют вальс на мокрой мостовой.

ПРОСТО ЛИРИКА

«Брожу дворами, и шаги мои легки...»

Брожу дворами, и шаги мои легки.
Морозно, только снега маловато.
Какие ясные погожие деньки
Нам напоследок дарит год двадцатый!

Как будто просит он прощенья у людей
За все несчастья, что стряслись на свете.
Но, если разобраться, ей же ей,
Как может год за что-то быть в ответе.

Ведь, в сущности, ну что такое год?
Лишь время, за которое планета
Осуществляет полный оборот
Вокруг источника тепла и света.

И потому шаги мои легки,
И нет в душе упрека и обиды.
А звёзды, как и прежде, высоки,
И призрачны на будущее виды.

«В зимнем парке скрипят под ногами тропинки...»

В зимнем парке скрипят под ногами тропинки,
Через кружево веток мерцает огнями каток,
И кружат на огне фонаря в ритме вальса снежинки,
И подводит зима уходящему году итог.

Я не знаю, зачем эти строчки ко мне прилетели
Долгим вечером летним, под серым тоскливым дождём?
Будто сердце спросило меня в сотый раз – «Неужели?
Неужели до этой зимы мы с тобой доживем?»

Сердце, сердце, не я ли спросить тебя должен —
Сколько зим, сколько лет мне осталось на этой земле?
И в каком декабре будет долгий мой путь подытожен?
И когда допылает последняя искра в золе?

Россия – Спас на крови

*Экспорт российских вакцин
вскоре будет сопоставим с
экспортом российского газа.
(Из газетной статьи)*

И вновь ты даришь жизнь, тепло и свет,
Любовь, надежду, веру, доброту.
И снова слышишь с Запада в ответ
Привычное «Ату её, ату!»

Но не прожить без веры и любви,
Как не прожить без света и тепла.
Стоишь, как прежде, Спасом на крови
Святым ковчегом в океане зла.

Хранит нас всех, нерукотворный Спас!
Но ты, Отчизна, смертью смерть поправ,
Рукой своей спасала мир не раз,
Особая среди других держав!

«До чего же людская любовь многолика!...»

До чего же людская любовь многолика!
Разных масок не пересчитать!
То она торжествует победу, как Ника,
То готова, порой, всё на свете отдать.

Друзьям

Что бы вы там не думали сами —
Безразличен я вам или мил, —
Я назначил своими друзьями
Всех, кого, повстречав, полюбил,

Всех, кого мне судьба подарила.
Ну а, если кого-то уж нет,
Память сердца навек сохранила
Их улыбок далёкий свет.

Я не жду ни звонков, ни объятий,
Ни зазданных фанфар в мою честь.
Дорогие друзья, приятели,
Мне довольно того, что вы есть.

Пусть всё реже теперь наши встречи —
Вы молчите, и я не зову, —
Но пока не погасли свечи,
Я люблю вас и этим живу.

Женщинам России

Чем больше секс-шизофрения
Мир норовит перекроить,
Тем чаще жители России
Сказать готовы – Мы другие!
И нас не переубедить!

Мы на своём стоим упрямо.
Для нас в любые времена
Важнее всех на свете мама,
Сестренка, дочка и жена.

С молодых ногтей, со школьной парты
Нам памятен один завет —
Из года в год восьмого марта
Дарить конфеты и букет
Цветов весны, горящих ярко,
Своим девчонкам дорогим.
Но самым главным из подарков
Пусть будут наши чувства к ним!

Что б не случилось на планете,
Мы не равны – вот в чём секрет.
И потому на белом свете
Подругам нашим равных нет!

Иллюзион

Вся жизнь моя – большой иллюзион
С названием простым – «Картина мира».
Могу зайти в него я с двух сторон —
Ка зритель или в качестве факира.

Меня Факиром научили быть
Родители, кино, театры, книги.
Отбросив повседневности вериги,
Я привыкал летать, а не ходить.

Не буду говорить о разных странах,
Чей светлый рай я в мыслях создавал.
Я благородство находил в путанах,
И добротой злодеев наделял.

У каждого из нас своя игра —
Одни из доброго творят злодея,
Другие незаметно, как умеют,
Во всем находят искорку добра.

Среди иллюзий, сотворенных мной,
Я больше всех ценил любовь и братство.
Но даже в них – я вынужден признаться —
Действительность расходится с мечтой.

На братство наплюют, завидев грош,
Правители народов-побратимов.
И женщина, что ты считал любимой,
Забудет о тебе, лишь ты уйдешь.

И все-таки, и все-таки, друзья,
Пусть купол шапито, где я трудился,
От возраста и ветра прохудился,
Но свой Иллюзион не брошу я!

«История нашей любви...»

История нашей любви,
Ты умрёшь вместе с нами!
История нашей любви,
Ты растаешь в ночи.
Историю нашей любви
Не расскажешь словами.
И всё же, пока мы живем,
Говори, не молчи!

Скажи мне, как любишь меня
В сотый раз и двухсотый.
Скажи мне, что любишь меня,
Как никто, никогда.
И, если, в притворстве вина,
Не поверит нам кто-то,
То это лишь только его,
А не наша беда.

К смыслу жизни

Смыслы замыслам сродни.
Если замыслов не густо,
Коротай на даче дни
И выращивай капусту.

Удобряй и поливай,
И в ответ дороговизне
Твой хороший урожай
Превратится в смысл жизни.

«Как ветер внезапный на снасти...»

Как ветер внезапный на снасти
Навалится вдруг и замрёт,
Так миг абсолютного счастья
Порой предо мною встаёт.

Картинкой далекого детства,
Сюжетом забытого сна...
Как будто бы, есть по соседству
Со мною иная страна.

Не знаю, но хочется верить —
Когда моё время придёт,
Откроет мне тайные двери
Её добродушный народ.

«Как легка твоя вина, как легка!..»

Как легка твоя вина, как легка!
Будто нету той вины. Потому
Не поднимется возмездья рука
И не скрипнет половица в дому.

Только, может быть, причина в другом?
В том, что просто не любил никого,
В том, что сад растил и строил свой дом
Ты по сути для себя самого.

Вот и сердце у тебя заболит
И занает в иступлённой мольбе,
Лишь тогда, когда несчастье грозит
Не кому-нибудь, а лично тебе.

Потому ли, что, неслышно шурша,
По годам твоим прошел снегопад,
И со временем немеет душа,
И тускнеет карнавальный наряд.

«Как я люблю эти сумерки тихие, серые...»

Как я люблю эти сумерки тихие, серые
Осенью раннюю в спальных районах Москвы.
Не понимаю, но верую, истинно верую
В то, что сегодня со мною общаетесь вы.

Вы, кто родил меня, выкормил, вырастил, выучил,
Кто мне рассказывал сказки и книжки читал.
В свете огней, в марле морока – так или иначе —
Я в этих сумерках будто бы вас увидал.

Не постигаю рассудком, но тайным наитием чувствую
Ваше присутствие в этом осеннем дворе.
Мама, я будто бы снова за руку держусь твою,
Так же, как в том карачаровском октябре.

Старый котяра, природному компасу следуя,
Я возвращаюсь упорно к родным берегам.
Что расскажу, чем порадую бабушку с дедом я?
Может быть, тем, что сегодня я дедушка сам?

Тем, что они не напрасно страдали и мучились,
Знали болезни и беды военных лет.
Только вот стал ли я нынче умнее и лучше их?

Может, умнее, а лучше, наверное, нет.

Смотрят огнями во тьму светофоры и здания,

На перекрёстках оборвана памяти нить.

Я не прощаюсь, я вам говорю: «До свидания».

Ни на земле, ни на небе нас не разлучить.

Кларнет

Его имя сродни кабинету
Звук закрыт, ненавязчив и тих.
Будто странник, поездив по свету,
Отдыхает в пенатах родных.

За окном непогода и слякоть.
И пылают в камине дрова
Но не век же грустить нам и плакать —
Он найдёт и для счастья слова.

И звучит его песня простая,
Будто голос кукушки лесной,
И плывёт, словно дальняя стая
Облаков над вечерней рекой.

«Когда я гляжу на себя в зеркале...»

Когда я гляжу на себя в зеркале,
Не в том, что висит на стене,
А в том, что внутри меня,
Я вижу того же мальчишку,
Не очень-то смелого,
Которым когда-то был.

Все так же терпеть не могу
Кому-то приказывать
И даже кого-то просить,
И, что ещё хуже
Брать что-то чужое,
Хотя бы и в долг.

Все так же люблю, как и раньше,
Делать всё сам.
Все так же боюсь потерять навсегда
Не деньги, не вещи,
А человека,
Которого сам сочинил.

Конспиративный романс

Вот здесь мы с тобою гуляли,
Как Штирлиц с радисткою Кэт,
Как будто друг друга не знали,
Хоть были знакомы сто лет.

Неслышно минуты летели
В беседах о том и о сём.
Но вот небеса холодели,
Зеркально блеснул водоём.

Лакали с закатного блюда
Два облака синий покой,
И тут я решался коснуться
Волос твоих дерзкой рукой.

Пусть краткими были объятья
Под сенью прибрежных ракиг,
Сквозь тонкое синее платье
Я слышал, как сердце стучит.

Той азбуки Морзе сигналы
Пытался я расшифровать,
Когда над уснувшим причалом
Луна начинала сиять.

А нынче под этой луною
Спустя столько зим и лет
Мне грустно, что нету со мною
«Радистки по имени Кэт».

Концерт авторской песни в школе

Солнце билось в окна, и на волю
Звал ребят разгульный месяц март.
Перед старшекласниками в школе
Песни пел состарившийся бард.

Кто-то слушал пение поэта,
Кто-то с телефончиком играл,
Кто-то думал – Поскорей бы лето
И поездка с классом на Байкал.

И когда, закончив выступление,
Старый бард из школы уходил,
Педагог поэту, в утешение,
Как бы, извиняясь, говорил —

Даже в грядке, вскопанной на даче,
Могут рядом с зёрнами лежать
Камни. Но ведь это же не значит,
Что её не нужно поливать.

Ваши песни и стихи прекрасны.
Их понять не каждому дано.
Но работа ваша не напрасна,
Коль взойдёт хотя б одно зерно.

Мама

Фанерный шкаф, дешёвые обои
Да чёрный репродуктор на стене...
И все же это время золотое
Иных моих времён дороже мне.

Как принц наследный из волшебной сказки,
С младых ногтей и до солидных лет
В наряд незримый из любви и ласки
От головы до пят я был одет.

Как ты жила тростиночка-девчонка,
Измены не сумевшая простить?
Ночами плакала, а днём смеялась звонко
И силы находила дальше жить.

К своей мечте заветной шла упорно
И, бабушке отдав меня с утра,
Тяжелый антрацит науки горной
Упрямо поднимала нагора.

Не ограничивая жизнь работой,
Меня растила и росла сама.
И все дела – от вышивки до фото —
Ты доводить старалась до ума.

Музеев роскошь, блеск концертных залов
И книги о скитаньях и борьбе —
Всё, всё ты мне с любовью отдавала,
И лишь болезнь оставила себе.

Тебя давно уж нету в этом мире,
А принц, так и не выйдя в короли,
Живёт всё в той же старенькой квартире,
Где дни твои последние текли.

И у него одно лишь утешение
Пред тем, как свет вечерний погасить —
Молить Спасителя о снисхождении,
И у тебя прощения просить...

«Надел костюм и в зеркало взглянул...»

Надел костюм и в зеркало взглянул.
И вдруг подумал – «В нём и похоронят».
Да что костюм? Все вещи, что вокруг
Ты видишь, осязаешь, примеряешь,
Тебя переживут, хоть ненадолго,
Как девятиэтажка за окном
И церковь рядом с золотым крестом,
И голая берёза между ними.
Вопрос «Но будут ли они такими,
Таковыми же, как в этот краткий миг,
В котором я их нынче наблюдаю?»
Как, в случае с костюмом выходным,
Так и про них ответ я точно знаю.
И мой уверенный ответ на это – нет.
Не только потому, что этот дом,
Вполне понятно, может обветшать,
Берёза явно может выше стать.
Но главное – им будет не хватать
Средь сотен взглядов, брошенных извне,
Лишь моего единственного взгляда.
Так все мы изменяемся незримо,
Когда родных теряем и друзей
И, словно короли, без прежней свиты,

Другую жизнь живём в другой стране.

«Нет, время, шалишь! Я не так уж наивен...»

Нет, время, шалишь! Я не так уж наивен,
Я помню все признаки прежних времён.
И чёрный Париж мне также противен,
Как белое Конго и рыжий Габон.

Я жить не хочу в этом чокнутом мире,
В его королевстве разбитых зеркал.
Я лучше запрюсь у себя в квартире,
Наполню бургундским хрустальный бокал,
Включу Азнавура и Ива Монтана,
Свой дом превращая в кафе-шантан,
И вновь пропаду на страницах романа
Виктора Гюго с Франсуазой Саган.

На улицу выйду, где тьма непогожая,
Привычно подняв воротник пальто.
Parlez-vous francais? – меня спросит прохожая,
И я ей хвастливо отвечу «А то!»

Зайдет разговор на различные темы
Вот как, например, по-французски
«люблю»?
Взглянув на меня, она скажет —

«Je t'aime»,

И вновь легкомысленно я поступлю,

Отправившись в город, которого нету,

Где Маленький принц с Антуаном вдвоём

От войн и штормов охраняют планету,

Живущую в воображенье моём.

Ницца

(путевая зарисовка)

Этот городок с его названием
Оттого, наверно, близок нам,
Что даёт игривое звучание
Многим нашим ходовым словам.

Без неё – любовь, а с ней – любовница,
Всё при ней изменится кругом,
Из поклона сделает поклонницу,
В сад войдёт и выскочит верхом!

Но не путай Ниццу с Биаритцем.
Город Биаритц в другом краю.
Там создатель Гагр, поклонник Рицы
Доживал печально жизнь свою.

Ну а в Ницце – Бунин и Набоков,
Да и кто тут только не бывал!?
А сейчас тоскливо, одиноко
Бьётся в Променад солёный вал.

Мы хотели Ницце поклониться
Лишь за то, что заменила дом,
Русским, убежавшим за границу,

Но она встречает нас дождём.

Неуютно, холодно, однако!

До свиданья, Ницца, Бог с тобой!

Монте-Карло в княжестве Монако

Ждёт нас за кулисой дождевой.

Певица

Ничем не примечательна в быту,
И голосок, каких полно на свете.
Ну, разве что фигуры красоту
Глаз донжуана исподволь приметит.
Но вот она выходит и поёт,
И пением её пронизан весь я!
И голос он уже не из неё
Слетает к нам.
Из поднебесья!

Тройное гражданство

Коллеги упрекнут в непостоянстве,
Друзья поймут, враги забьют в набат —
Он заявляет о тройном гражданстве!
Космополит безродный, демократ!

В своих стихах любимую Россию
Он защищает с пеною у рта...
А ну, давай, колись теперь, какие
Ты про запас имеешь паспорта?!

Америка? Германия? Израиль?
Прошу вас, успокойтесь, гражданин!
Я о тройном гражданстве заявляю
Но паспорт у меня всего один.

Я гражданин России по рождению,
По языку, по сердцу, по уму.
Из сочиненных мной стихотворений
Назад единой строчки не возьму.

Но мне всегда тесна была квартира
Одной страны, пусть самой дорогой.
Себя я мыслю гражданином мира,
Хоть за границу нынче – ни ногой.

Свой мир я создавал по книгам с детства
Я за страну посетил страну.
Они со мной и нынче по соседству —
Лишь только к полке руку протяну.

В тех странах обитали персонажи
Погибшие в потомстве навсегда.
Без визы, без билетов и поклажи
Я часто ездил в эти города.

Там жили романтические французы,
Гобсеков поднимавшие на смех.
Я был в гостях Робинзона Крузо
И у парижских дам имел успех.

И наконец признаюсь – как и все мы,
Привыкшие по солнцу дни считать,
Я гражданином солнечной системы
Себя имею право называть!

Ничего

Я соседа вчера повстречал своего.
Как обычно – Здорово! – Здорово!
Я спросил – Как дела? Он в ответ – Ничего!
Ничего – интересное слово.

Вот француз на «Са ва?» отвечает «Са ва».
То есть, жизнь идет не напрасно.
Англичанин тот тоже находит слова —
Ай эм фajn! – У меня всё прекрасно.

А у нас «Ничего» – значит всё хорошо,
Жив, здоров, не побит, не уволен.
То бишь, новых событий не произошло,
Всё по-старому. Тем и доволен.

Как затейлив уклад языка моего!
То он груб, то напевен и гладок,
А порою способен через «Ничего»
Рассказать про покой и порядок.

Ночная прогулка

Давно пора уснуть, но нету сна.
Я вышел за порог, дворы дремали.
Две барышни – Венера и Луна-
Мой одинокий путь сопровождали.

Одна из них изысканно стройна,
Другая весела и круглолица
Две барышни – Венера и Луна-
Идут со мной по улицам столицы.

Любви богиня страстно горяча
Глядит, отбросив всякие намёки,
А сводница Луна из-за плеча
Пытается увидеть эти строки,

Что нехотя ложатся на дисплей
Ожившего в моих руках смартфона.
Я прошептал проказнице – Не смей!
Она закрылась облаком смущённо.

А я продолжил дальше сочинять,
Не замечая, что плутовке этой
Украдкой удавалось наблюдать
Бесплодные усилия поэта.

Увы, я должен разочаровать
Себя и вас – моих попутчиц милых.
Мне так хотелось что-то написать,
Но муза в этот раз не посетила.

И получилась лишь строфа одна,
О том, что в ночь, когда дома дремали,
Две барышни – Венера и Луна —
Мой одинокий путь сопровождали.

«Открывая свой фотоальбом...»

Открывая свой фотоальбом,
Каждый раз совершаю открытие —
Наше счастье – не столько в событии,
Сколько в воспоминанье о нём.

В настоящем так много того,
Что от главного сердце уводит.
Счастье входит в него и уходит,
Словно гость, не застав никого.

И лишь позже, просеяв года
Через памяти мелкое сито,
Вдруг увидишь на снимке забытом —
Как мы счастливы были тогда!

Пожелание

Да будет в вашем доме добрый мир!
Да обойдёт вас стороной ненастье!
Детей да будет больше, чем квартир!
А денег, меньше, чем любви и счастья!

Почтальон

Пускай я в жизни не речист
(а впрочем, это и не надо),
Я иногда – евангелист,
А иногда – посланник ада.

Какую весть я вам принёс?
Я сам, как правило, не знаю,
Рецепт для счастья или слёз
Я в ящик серый опускаю.

Я болен, слаб, мне много лет,
Спина болит, нога хромает,
И эта сволочь – интернет
Меня тихонько выживает.

Поэма Невского района Сёстрам Ларисе и Светлане Ермаковым

По природе одна – директрисса,
А другой бы все петь да играть.
Две сестрички – одна Лариса,
А другую Светланой звать.

Ломоносовские ленинградки
Здесь их ранние годы прошли.
Детство, школа, подружки, тетрадки —
Все теперь в невозвратной дали.

Ломоносов-Ораниенбаум
Нынче стал частью града Петра.
Но для них, как и прежде, он славен
Тем, что было в их жизни вчера.

Парк тенистый, Катальная горка,
Фаворита петрова дворец.
В нем когда-то ютилась контора,
Где трудился их добрый отец.

По стране их судьба носила.

Света нынче живёт под Москвой,
А Лариса, хоть адрес сменила,
Но по-прежнему – рядом с Невой.

Я в их жизни – случайный прохожий.
Но и я с детства в Питер влюблён.
И, чем дольше живу, тем дороже
Мне становится Невский район.

Тут, московский мальчишка, впервые
Я запомнил тебя, Ленинград —
Не дворцы, а мосты разводные
И заводов суровый наряд.

Здпесь Нева, нарушая каноны,
И доньне ломает гранит,
И закат поцелуи влюбленных
В непричесанных парках хранит.

Тут меня окружала заботой
Многочисленная родня.
Две сестры мои, дяди и тётки
Принимали радушно меня.

В Ленинграде в далекие годы
На заводе работал мой дед.
И сегодня все те же заводы,
Будто шлют мне из детства привет.

Эти стены с кирпичною кладкой!
Эти замки и храмы труда!
Архитектор их строил с оглядкой
На отчизны своей города.

Тут в короткие белые ночи,
От дневных одыхая трудов,
Смотрят в небо стеклянные очи
Обезлюдивших корпусов.

Допотопные динозавры —
Видно, скоро вас станут ломать.
От Плярников и до Лавры
Вас, конечно, не будет хватать.

И лишь память о вас, как уеду,
Перестану и смолкну, как стих,
Кто-то юный отыщет по следу
Бестолковых творений моих.

Всё, что ярко, кончается быстро.
Но, покуда надежда жива,
Пой, Светлана, правь балом, Лариса!
Серебрись под мостами Нева!

Правда и ложь

Никогда ещё правду
Так нагло не путали с ложью.
Будто люди навек потеряли
Рассудок и стыд.
Пробирается правда
Российским глухим бездорожьем,
Ну а ложь бизнес-классом
На боингах быстрых летит.

И встает перед нами
Безвинной овцой, не иначе,
И рыдает притворно,
И в душу залезть норовит,
И хохочет, увидев,
как правда забытая плачет,
И пока что не знает,
Что правда её победит.

Речной круиз

Наш теплоход слегка устал,
Но всё путём и по ранжиру.
Ведь он на борт сегодня взял
Почти три сотни пассажиров.

Три сотни планов отдохнуть,
Три сотни светлых ожиданий.
Пусть будет гладок водный путь,
Без слёз и разочарований

То норд по курсу, то восход,
Сквозь наши сны и разговоры
Пройдет каналы теплоход
По шлюзам забираясь в гору.

В зеркальной глади, как во сне,
Теряя берега из виду
По рукотворной глубине
Пройдём над русской Атлантидой.

Всё ближе, ближе к небесам,
Всё дальше от земли и Бога.
И снова будут сниться нам
Калязин старый и Молога.

Когда же солнце догорит
И, как актер, покинет сцену,
Звезда с звездой заговорит
И с бакенном одновременно.

О том, что жизнь не так сложна,
Как многим кажется порою,
Что килем не достать до дна,
Когда фарватер пред тобою,

Плюс джи-пи-эс, или Глонас,
Плюс справочник о нужном самом,
И вот уж старенький компас
Нам кажется музейным хламом.

Мосты, причалы, города
В картину пеструю сольются,
И вам захочется сюда
Когда-нибудь опять вернуться.

Сомнение

Низкое солнце, колокол дальний,
Мягкий янтарный свет,
И неожиданно исповедальный
Вечер на склоне лет.

Всё ли так было, как показалось?
Или опять обман?
Жизни оставшейся самую малость.
Нам ли рядить в туман?

Или, быть может, всё-таки лучше
Прошлого не ворошить?
Злых подозрений голос не слушать
Прежней любовью жить?

Низкое солнце, вечер привольный,
Длинные тени легли.
Тихий, протяжный звон колокольный
Не умолкает вдали...

Сон

Погляжу на ноябрьский холод,
Догоню убегающий сон.
Снится мне будто я ещё молод,
Полон сил и, конечно, влюблён.

Только всё происходит со мною
Не под синим небесным шатром,
А внизу, глубоко под землёю,
Там, где было когда-то метро.

И не в мраморных залах станций,
В веренице спешащих людей,
А во мраке тоннельных дистанций,
На останках подземных путей.

То брожу я по ним в одиночку,
То мешаюсь со странной толпой,
То возьму к себе в спутницы дочку,
То вдруг мама проходит со мной.

Вот уже среди шумной свадьбы
То ли шафер я, то ли жених.
Ай да свадьба! Гулять да гулять бы
Среди милых друзей и родных!

Но шатаюсь я с места на место
Неприкаянный и хмельной.
В каждой барышне вижу невесту,
И ведь каждая лучше другой.

Долго ль коротко свадьба игралась,
Но в конце развесёлых затей
Никого за столом не осталось
Из родных мне и близких людей.

Я в бокалы вино наливаю,
Презирая себя и кляня,
Тем, кого не люблю, не знаю,
Тем, кто явно не любит меня.

И уже только рожи, не лица,
Мельтешат в окруженьи моём...
Слава Богу, родная столица,
Протрубила гудками «Подъём».

Счастье

Если смерч не у нас, а над штатом Вермонт,
И Везувий пыхтит, и штормит Геллеспонт,
А у нас красота, спит на вешалке зонт,
И прогноз не сулит ненастья,

Если жулику ты не поддался на понт,
Ничего не болит, в магазине дисконт,
А сосед за стеной кончил вечный ремонт,
Что ещё тебе нужно для счастья?!

Тайна имени

Отец был не глуп, и не мне упрекать его,
Дескать чего-то напутал он.
Не по рождению, а по зачатию
Был я не зря наречён.

Как же я раньше не мог догадаться!?
В те беспокойные времена
Было опасно, как прежде, по святцам
Детям давать имена.

Что говорить, не красит мужчину
Чувство по имени «страх».
Но, может быть, есть и другая причина
Путаницы в именах?

Вдумайтесь просто,
что первостепеннее —
Зернышко или цветок?
Чудо свершается не при рождении.
Рождение только итог.

Итог, но не только соитий, объятий
В жарких от страсти ночах.
Таинством браков земных и зачатий
Ведают на небесах.

Фейсбук

В огромной книге, всем известной, как Фейсбук,
Что по-английски означает – «Книга лиц»,
Страница есть среди тысячи страниц,
Где на меня глядит мой старый друг.

С далекой юности знакомые черты,
В морщинах-лучиках улыбки доброй свет.
Всё, как и прежде. Только друга больше нет.
И это фото, как привет из пустоты,

Как прошлое, которое живет
Среди нас, не беспокоя никого.
А «Книга лиц» всё просит каждый год —
«Поздравьте с днём рождения его!»

Я расскажу тебе Россию

Когда захочешь, попроси и,
Каков бы ни был твой резон,
Я расскажу тебе Россию,
Как будто сказку или сон.

Я расскажу, как нарисую,
Над волжским плёсом тишину,
Где чайка ласково целует
Под утро сонную волну.

Я расскажу или сыграю
Ночей июньских полусвет,
Дремучий лес, поля без края,
Страну, которой краше нет.

«Храни нас, Боже от друзей...»

Храни нас, Боже от друзей
Неблагодарных и жестоких!
Избавь нас милостью своей
От честолюбцев недалеких,
От наказания хвалить
Их неумелые творенья
Лишь для того, чтоб сохранить
Нас тяготящее общенье.

Так размышляли мы не раз,
Но опасенье возникает,
Что кто-то, может, и о нас
Вот так же с кем-то размышляет.

«Чем быстрее, года обгоняя...»

Чем быстрее, года обгоняя,
Мчатся кони, тем ближе привал.
Всё любить, ничего не желая —
Так когда-то Есенин мечтал.

Избавляясь от прошлых замашек,
Я и сам нынче стал обрывать
Лепестки у веселых ромашек,
Выбирая «любить» иль «желать».

Из желаний так много сбывалось,
Что уж, если о чём и просить —
Дай мне, Господи, самую малость —
Два желания «жить» и «любить»!

Этажи, где я бывал

С шестого этажа я вижу храм,
Но, всё же, слава Богу, крест повыше
Моих очей. А голуби на крыше
На Бога сверху смотрят по утрам.

Этаж девятый. Где-то подо мной
Пустынный двор, дома, и меж домами,
Под небеса взлетевшая стрелой,
Дорога, освещённая огнями.

С пятнадцатого видно всё вокруг.
Здесь наблюдать отрадно вечерами,
Как солнце, притомившись, на досуг
Уходит, прикрываясь облаками.

На двадцать пятом в комнате большой
С окном до пола, занявшим всю стену,
Плоть брeнная прощается с душой
То плача, то смеясь попеременно.

А вот на первом этаже живёшь,
Как дачник – то гортензию сажаешь,
То травку сеешь, то кусты стрижёшь,
И заодно к землеце привыкаешь.

«Я когда-то сдавал норматив ГТО...»

Я когда-то сдавал норматив ГТО,
Прыгал вверх и в длину, стометровку бежал.
Даже плавал неплохо, и всё б ничего,
Лишь копье и гранату я плохо бросал.

И ворчал на меня физкультурник седой,
И пытался меня подстегнуть, воспитать.
Ты во всём молодец, и стрелок неплохой,
Жалко только одно – не умеешь бросать.

Так вот и повелось – если взялся, держись,
Если встал на дорогу, то к цели иду,
Если слово сказал, то хоть в кровь расшибусь,
Что обещано, сделаю, не подведу.

Не умею бросать, тех, кого полюбил,
Даже если любовь стала меньше сиять.
Ни друзей дорогих, ни заветных могил
Никогда не бросал и не буду бросать.

Я храню, как старьёвщик, обрывки бесед
И потертую память о добрых делах,
Выбираю минуты из прожитых лет
И мгновения счастья в любимых глазах.

Так и не получил я значок ГТО,
Хоть и бегал неплохо, и метко стрелял.
Ни копья, ни гранату и, вообще, ничего,
Никого и нигде никогда не бросал.

МОЯ МОСКВА

Выход из метро

Стою на лестнице, лениво
Ползущей кверху из глубин,
И чувствую себя счастливым
Без объяснений и причин!

Навстречу мне плывут две нитки
Жемчужных бусин-фонарей,
Сошедших будто бы с открытки
Далекой юности моей.

А наверху, где пахнет прелью
И свежей краскою оград,
Где солнце с прелестей апреля
Срывает призрачный наряд,
Беспечным, юным и красивым
Я чувствую себя опять!
И взором улиц перспективу
Обнять готов и целовать!

«Весенний день. Я вышел на Арбат...»

Весенний день. Я вышел на Арбат.
Рекламных вывесок и слоганов призыв.
А мне навстречу – бронзовый Булат,
Бредёт, гитару где-то позабыв.

И кажется, что больше ничего,
И песенки давно уже не те,
Ни смысла в них, ни духа твоего
И от троллейбуса одна лишь буква «Т».

И всё ж... весна колдует над Москвой,
И в гомоне автомобильных стай
Мне так же слышен тихий голос твой,
И празднует свои победы май,

К чему грустить, что не вернётся вновь,
Страна с названием СССР?
Ведь солнце в небе, «май, Арбат, любовь»,
Как прежде, выше всяческих карьер!

Галактика ВСХВ

Был свет наш и газ – в керосиновой лавке,
И голод был в послевоенной Москве.
Но новая станция на Ярославке
Уже называлась ВЭСэХаВэ.*

Мы сразу влюбились в сады и фонтаны,
И в легкий ажур белоснежных дворцов.
Внутри павильона Туркменистана,
Мы медленно шли вдоль восточных ковров.

И медленно плыли навстречу с мангала,
Лишняя рассудка, мясные дымки.
Папахи кричали, и мама сказала:
Мы скоро придём сюда есть шашлыки.

А мальчик не понял, что это такое,
Но вскоре отведал то слово на вкус,
А позднее лето цвело над Москвою,
Вобравшей в себя весь огромный Союз.

Российские степи, вершины Кавказа,
Пески Кара-Кума, отроги Карпат
Как будто собрались тут вместе и сразу
На дружбы народов великий парад.

И все это в память проникло без спроса,
И живы донине в седой голове
Туманность мангалов, созвездия флоксов
В далёкой галлактике ВэСэХаВе.

**До 1959 г. ВДНХ называлась ВСХВ —
Всесоюзная сельскохозяйственная
выставка.*

«Ведь недаром же ты, Россия...»

Ведь недаром же ты, Россия,
Третьим Римом Москву назвала —
Мягким светом легла Византия
На иконы и купола.
Тайным шагом вошла в коридоры,
Где с царём патриарх, не спеша,
Век за веком ведут разговоры
И судьбу поколений вершат.

Грачѣвка

Небо лиственным орнаментом украсив,
Выше кленов, выше туи молодой,
Крону пышную раскинул стройный яшень
Над оградю усадьбы родовой.

А за этою чугуною оградой
Белой башенкой увенчан барский дом.
Львы над лестницей и стройные наяды,
Говорят, стояли раньше над прудом.

Над водой чугунный мостик изгибался,
От него вела аллея прямо в сад.
Высох пруд и сад заглох, лишь дом остался
Под охраной львов и гипсовых наяд.

Как узнать теперь, какие помнят виды
Их глаза с пустыми ямками зрачков?
И какие видят сны кариакиды,
На террасе подпирающие кров?

Встреча в Грачёвке

Я этот день сегодняшний прожил —
И в этом нет малейшего сомнения —
Совсем не понапрасну и не зря!
Сегодня я, друзья, поговорил
С живым свидетелем правления
Из рода Рюриков последнего царя!

С живым свидетелем! Не с храмом, не с дворцом!
Я говорил, а он спокойно слушал.
Уверен я вполне – имеет уши
Всё, что когда-то создано творцом!

Я скромный свой привет передавал
Ему, как мог, и сердцем, и словами.
А он своими мощными руками
Тянулся ввысь и жизнь благословлял.

И мне при том, как будто говорил:
«Всё чепуха! Какие наши годы!
Промчались мимо войны и невзгоды,
Чума, холера, голод, недороды.
Вот мне четыре сотни тридцать три,

А приходи-ка ты, мой друг, весной
Сюда, на эту самую аллею.

Увидишь, я, как прежде, зеленею
И расцветаю, словно молодой!»

Его послушал я ещё минуты две.
Но был мороз, и я ушел. Пусть это грубо,
Но так не хочется «дать дуба» возле дуба,
Пусть даже и старейшего в Москве.

09.02.21

Летняя картинка с фонарём №136

А что фонарь? Ему до фонаря,
Что лиственница ласковой рукою
Его обнять пытается порою.
Он всё ворчит – «Стараетесь вы зря!

Вы приняли за дерево меня.
Но это лишь досадная ошибка.
А то, что посчитали вы улыбкой —
Лишь бледный свет вечернего огня,
Горящего во мне по вечерам.
Но он, увы, не вам лишь предназначен,
Бюджетом городским с лихвой оплачен,
Он светит всем, кто ходит в гости к нам.»

«Прошу меня простить, железный друг, —
Шептала лиственница удивленно —
Что я, пытаюсь прикоснуться к клёну,
Своею веткой вас задела вдруг!»

А что же клён? Он равноудалён
От лиственницы, бархатно-зелёной
И фонаря, что между ней и клёном
И ни в кого из них он не влюблён.

Как благодарен я судьбе своей

За все её кредиты и подарки,
За долгие прогулки в старом парке
И отдых на скамье среди аллей,

За то, что я душою не ослеп,
Что муза посещает временами,
Что разговор деревьев с фонарями,
Мне до сих пор понятнее, чем рэп.

Снежные мысли

Звуки за окнами – «вжик», да «вжик»,
Как информация о снегопаде.
Чистит дорожки дворник-таджик
В огненно-рыжем своём наряде.

Затемно чистит, пока ещё спят
Жители коренные,
Спят их машины, вставшие в ряд,
Спят их дома большие.

В снежной постели город лежит,
Крепок и хлебосолен.
Тихо вокруг, и дворник Фарид
Жизнью своей доволен.

Но дети его подрастут и пойдут,
Каждый дорогой своею:
Дочери – замуж, сын – в институт.
Дети отцов умнее.

Этому длиться из века в век,
Нам же в догадках теряться —
Кто в городах будет чистить снег
Скажем так, лет через двадцать?

Наш человек от лопаты отвык,
Да ведь и я не пойду в кочегарку.
Чистой дорожке, что вымел таджик,
Радуюсь, как подарку.

Моссельмаш

Этот район назывался «Чикаго».
Видимо, тот ещё был район.
Чёрный барак двухэтажный, общага,
Мат трёхэтажный со всех сторон.

Оно и понятно, с далёких окраин
Сюда по лимиту съезжался народ.
По Конституции – главный хозяин,
По жизни, как правило, пьющий сброд.

Барак двухэтажный в прошлом остался,
Но жив и здоров трёхэтажный мат,
Который из уст алкашей перебрался
В нежные губы юных девчат.

Михалково

Вот здесь в отставке, чуть ли не в опале
Граф Пётр Панин старость коротал.
Пруды, быть может, так же отражали
Мосты, беседки, всё, что создавал
Известный зодчий, следуя примерам,
Которым надлежало подражать.
Но не Версаль, не Шлоссбург, а Бендеры
Он призван был в проекте воссоздать.

За взятие турецкой неприступной
Фортиции на берегу Днестра
Хозяин замка – полководец крупный,
Был награждён. Но милостей двора

Он, как ни странно, так и не дождался,
О чём всегда с обидой говорил,
Болтал на всех углах и доболтался —
В негласную опалу угодил.

Так в ней бы и почил, когда бы снова
Страна не оказалась на краю.
Граф был направлен против Пугачёва
И вновь исполнил миссию свою.

Прошли века, остались те же виды

На мост и пруд, на честь и на страну,
На то, как должно забывать обиды,
Когда судьба Отчизны на кону.

ЗЛОБА ДНЯ

На злобу дня

Пишу стихи на злобу дня,
Не каждый день, но часто всё же.
За что друзья корят меня —
Мол, для поэзии не гоже

Брать за основу репортаж,
О том, что происходит в мире,
Мол, полемический кураж
Всегда вредит свободной лире.

Готов ответить хоть сейчас.
Коль мы свободны в самом деле,
Кто упрекнуть посмеет нас
За то, что мы писать посмели

Не о любви и о мечтах,
Не о природе и погоде,
А о каких-то там вещах,
Совсем не поэтичных вроде?

Нам лишь одно запрещено —

Писать о том, что нас не греет.
А в остальном – не всё-ль равно
В каких «носиться эмпиреях»?

Вам пошлым кажется – в стихах
Писать про бомбы и про мины?
А как же «...Чехия в слезах»
В собрании стихов Марины?

А Пушкина мятежный стих?
А Тютчев, пишущий «Славянам»?
А юноши сороковых —
Кульчицкий, Межиров, Фатьянов?

Пишу стихи на злобу дня,
Когда она меня тревожит,
Когда рассудком, сердцем, кожей
Нельзя не чувствовать огня,

Грозящего родным краям,
Моей стране, Моей планете.
А долго ль жить таким стихам?
На то читатели ответят.

О чем тут долго рассуждать?
Пегас, гуляя, где захочет,
Имеет право выбирать
И злобу дня, и «нежность ночи».

Половина двенадцатого

Как пойдёт заваруха,
Дела хватит для всех —
Для героя, для труса
И, конечно, для тех,
В чьей натуре шакала
Держал лишь закон,
А закона не стало —
И вырвался он.
Всех сметая по ходу
в разорённом краю,
Против вашей свободы
Он поставит свою.

Что, не верите, братцы?
Продолжайте скакать,
Но... поэму «Двенадцать»
Приготовьтесь писать.

«Повторяется, повторяется...»

Повторяется, повторяется
Век за веком сюжет проходной.
Из Германии засылается
К нам в столицу «народный герой».
Только век назад
Он толпою над
Взгромоздился на броневичок,
А сейчас ему
Это ни к чему,
Если есть инстаграм и тик-ток.

Ну а в остальном —
Песня об одном.
Есть задача – страну развалить
Выходи малыш,
Мы устроим движ!
Будем прыгать, ломать, крушить!

Погуляем всласть!
Мы здесь нынче власть!
А когда гулять надоест,
Скажет дядя вам —
Ну ка, по домам!
А министры, пожалуйста в Брест.

Побратаетесь
И покаетесь,
Станет паинькой ваш кумир,
И за пост и власть
Полстраны отдаст
И позорный подпишет мир.

«Блаженны ушедшие до революции ...»

Блаженны ушедшие до революции —

Чехов,

Чайковский,

Левитан,

Не испытывавшие нрав её лютой,

Правду её и обман.

Но и тот, кто, пройдя

сквозь горнило смуты,

Мир не сумел разлюбить,

Блажен,

коль его роковые минуты

Смог пережить.

«Горжусь нашим прошлым» – я слышу нередко...»

«Горжусь нашим прошлым» – я слышу нередко.

Я – тоже, но есть же всему предел —

Зачем нам гордиться грехами предков?

Нам хватит с лихвою их добрых дел.

«Всё моё!» – сказала злато...»

«Всё моё!» – сказала злато
И, подняв над головой
Многозвездно-полосатый,
Вновь пустилось на разбой.

Вы историю учили
По Британике друзья,
И конечно же забыли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.